

Если бы он смог получить наставления старейшины Ляоу, то в изучении боевых искусств достиг бы двойного результата при половинных усилиях.

Прошло всего полгода с тех пор, как он начал соприкасаться с глубокими техниками, и в глазах окружающих его прогресс был поразительным. Но для Шан Сююня этого было недостаточно! По сравнению с многовековой внутренней силой Янь Луна, он всё ещё оставался муравьём, которого тот мог раздавить одним пальцем. У него не было даже шанса на побег.

В этой жизни он, конечно, не желал искать неприятностей, но не было никакой гарантии, что Янь Лун не придёт за ним. В его жизни, кроме Чжун Юня, не было никого, кого можно было бы назвать другом. А этот единственный друг выбрал предательство...

Шан Сююнь бережно, словно величайшую драгоценность, прикрепил к поясу небольшой полотняный мешочек. Внутри лежали яды, приготовленные из тех токсичных веществ, что ему удалось достать. На душе стало немного спокойнее. Хотя эти составы и не могли убить человека мгновенно, их было достаточно, чтобы вырваться из рук второсортного мастера боевых искусств. Спустившись с горы, он сможет найти больше ингредиентов, и шансы на выживание, естественно, возрастут. Возможно, удастся получить и что-то по-настоящему смертоносное.

Закинув за спину узел, он направился к месту сбора, о котором говорил старейшина Ляоу. Он закрыл глаза, тренируя чуткость слуха. На самом деле, с того момента, как он переродился, его органы чувств стали гораздо острее, чем у других — возможно, из-за того, что он слишком долго был призраком. Внутренняя сила в его данъяне непрерывно циркулировала, и он слышал даже шорох ветра вокруг.

Услышав приближающиеся размеренные шаги, он открыл глаза. Даже не поднимая головы, он знал, что подошёл старейшина Ляоу. Эти мастера высшего уровня в мире боевых искусств уже не выдавали себя походкой. Те, кто достиг состояния естественности, ничем не отличались от обычных людей, пока не начинали действовать.

Всё вышло так, как и предполагал Шан Сююнь: старейшина Ляоу взял его с собой, чтобы давать наставления. Конечно, он учил и других младших учеников Шаолиня, но к нему проявлял заметно больше внимания. Порой старейшина одной фразой указывал на его недостатки, заставляя его прозреть. Прошло всего несколько дней, а пользы было больше, чем от полумесяца самостоятельных занятий.

В тот день они, как обычно, остановились в постоялом дворе, чтобы купить сухой паёк и продолжить путь.

— Вы, монахи, тоже направляетесь на Собрание боевых искусств, чтобы покарать демонов и защитить праведный путь? — раздался звонкий девичий голос. Хотя в нём чувствовалось некое своенравие, он не вызывал неприязни, а скорее заставлял проникнуться симпатией.

— Ами табха, — молодые монахи, привыкшие видеть в храме лишь женщин среднего возраста,

приходящих помолиться, растерялись. Даже если юные девушки и посещали обитель, они обычно были воспитаны в духе буддийских сутр и не вели себя столь бесцеремонно. Монахи не знали, как реагировать.

Тань Юйвэй стало скучно, но её взгляд задержался на Шан Сююне. Этот юный монах показался ей до боли знакомым.

— Раз уж мы все направляемся на Собрание, почему бы нам не пойти вместе?

— Юная госпожа, это категорически невозможно, — поспешно возразил мастер Ляоу. В храме Шаолинь не было прецедентов, чтобы монахи сопровождали девушек.

— Все говорят, что мастера Шаолиня исполнены великого сострадания, а вы, учитель, нарушаете наставления Будды. Если я, девушка, отправлюсь в путь одна и попаду в беду, разве это не повредит репутации Шаолиня? — Тань Юйвэй поначалу просто болтала, ведь она сбежала из дома и путешествовала в одиночку, но, видя нежелание монахов, она внезапно загорелась этой идеей. — Учитель, не беспокойтесь, я буду следовать поодаль и не стану мешать вам и вашим ученикам.

— Амиабха, — старейшина Ляоу задумался и в конце концов уступил.

Тань Юйвэй удовлетворённо кивнула, взяла комнату на стойке регистрации и поднялась наверх. Она вела себя так, будто безгранично доверяла им, что заставило мастера Ляоу изменить мнение о ней в лучшую сторону.

Шан Сююнь поднёс к губам чашку, отпив глоток чая. Лёгкая горечь разлилась по языку. Проглотив напиток, он дождался, пока мастер Ляоу и остальные закончат трапезу, и вместе с ними поднялся в номера.

Аромат, исходящий от её одежды, заставил его слегка усмехнуться. То, чего не заметил даже мастер Ляоу, не ускользнуло от его внимания. Этот след для слежки был почти бесцветным и безвкусным; если бы не его обострённое обоняние, он бы тоже ничего не заподозрил.

Тань Юйвэй — та, кто должна была стать главной любовью Чжун Юня в прошлой и нынешней жизни...

Шаолинь, как глава праведных сект, не испытывал недостатка в пожертвованиях, но, следуя добродетели бережливости, все, кроме мастера Ляоу, жили по двое в комнате. Для монахов, привыкших спать на общих нарах, это не было испытанием.

В прошлой жизни Шан Сююнь часто ночевал в лесах, деля кров с дикими зверями ради поиска

редких трав. Однако он так и не привык спать в одной постели с другим человеком, чувствуя чужое дыхание и едва уловимый храп. Вместо того чтобы тратить время впустую, он решил встать и попрактиковаться во внутренней силе. Даже если она циркулировала постоянно, активное управление было гораздо эффективнее пассивного.

Он уловил звук шагов по черепице на крыше. Шан Сююнь наострил уши, но не шевельнулся. Как только он почувствовал, что черепицу приподняли, он в мгновение ока исчез с прежнего места.

Когда плитка была сдвинута, человек в чёрном заглянул в комнату и удивился, обнаружив лишь одного человека. Не успел он опомниться, как монах в рясе уже стоял у него за спиной. Незнакомка метнула взгляд, одним прыжком переместившись на соседнюю крышу.

Шан Сююнь помедлил, но всё же применил цингун, чтобы последовать за ней. Его цингун явно уступал мастерству человека в чёрном: боевые искусства Шаолиня делали упор на устойчивость, а цингун был лишь вспомогательным элементом. Конечно, если довести мастерство до предела, то и цингун становился выдающимся — это и было легендарное состояние врожденного мастерства, но таких мастеров в мире не видели уже сотни лет.

Человек в чёрном явно не собирался стряхивать его с хвоста, а скорее заманивал в другое место. После нескольких прыжков незнакомка остановилась и повернулась к Шан Сююню, который мягко приземлился перед ней. Она окинула взглядом его чистое лицо, и чем дольше смотрела, тем более знакомым он ей казался. Но она точно знала, что не была знакома с учениками Шаолиня.

— Маленький монах, не спишь в такую позднюю пору — смотри, завтра сил не хватит на дорогу. Станешь для всех обузой! — Тань Юйвэй, достигнув цели, сорвала маску, открыв своё прелестное лицо. В её глазах играли лукавые искорки, от которых невозможно было отвести взгляд.

— Амиабха, юной госпоже тоже следовало бы отдохнуть, — Шан Сююнь был удивлён, увидев её, но в то же время это было ожидаемо.

Сложив руки в приветствии, он развернулся, собираясь вернуться на постоянный двор. Если бы от девушки исходило хоть какое-то намерение убить, мастер Ляоу не позволил бы ему так просто уйти. А то, что Тань Юйвэй надеялась обмануть мастера Ляоу своими детскими трюками — об этом не стоило и думать.

— Маленький монах, меня зовут Тань Юйвэй. Мы раньше не встречались? — она последовала за ним, ускоряя шаг, когда он ускорялся, и замедляясь, когда он сбавлял темп.

Шан Сююнь на мгновение замер и ответил серьёзно, стараясь говорить чистую правду:

— Этот монах вырос в храме Шаолинь и лишь полгода назад впервые спустился с горы.

Ни в прошлой, ни в этой жизни Тань Юйвэй не говорила Чжун Юню, что он ей знаком. В прошлой жизни она была рядом с ним, потому что её привлекал он сам, а не какие-то воспоминания. Но теперь, когда он постригся в монахи, Тань Юйвэй вдруг утверждает, что он ей очень знаком. Неужели бритое лицо стало более узнаваемым? Ответ на этот вопрос вряд ли кто-то даст.

Тань Юйвэй кивнула. Полгода назад её заставляли учиться вышиванию, и они никак не могли пересечься. Но этот монах действительно вызывал у неё чувство узнавания.

— Раз уж ты узнал моё имя, должен представиться и ты.

Она очнулась от мыслей и увидела, что Шан Сююнь уже далеко. Его цингун, хоть и не был изящным, оказался довольно быстрым.

— Юная госпожа, монах носит имя Цзы Цзюэ, — Шан Сююнь взглянул на Тань Юйвэй, которая быстро его догнала. Он невольно испытал желание перенять её технику цингун. Боевые навыки Тань Юйвэй были средними, но её цингун позволял ей ускользать от большинства мастеров высшего уровня. В сочетании с мастерством в ядах, у неё были все основания для гордости.

Однако вскоре он отбросил эту мысль. Тань Юйвэй не станет учить случайного встречного, да и он не желал сближаться с ней. Быть близким с Тань Юйвэй — всё равно что прикрепить к себе бомбу с часовым механизмом.

Вернувшись в комнату, Шан Сююнь взглянул на спящего старшего брата и прилёг на табурет, закрыв глаза. На следующее утро он проснулся пораньше, чтобы никто не заметил, что он не спал на кровати.

Мастер Ляоу, увидев его, кивнул. После вчерашнего испытания он стал относиться к ученику ещё благосклоннее. Шан Сююнь не зря рисковал, отправляясь в погоню. Достичь таких результатов в изучении глубоких техник всего за полгода было непросто.

Но Шан Сююнь был слишком жаден — он хотел большего. В Шаолине были техники, доступные лишь ключевым ученикам, и у него пока не было прав к ним прикоснуться. У каждой секты были свои секреты, и к ученикам не всегда относились одинаково.

Когда они вышли из постоянного двора, Тань Юйвэй уже была готова к отъезду, сидя верхом на белой лошади. Бросив взгляд в их сторону, она без колебаний отправилась в путь, исполняя своё обещание — следовать поодаль.

Шан Сююнь и остальные тоже сели на лошадей. По пути им попадалось немало лесов, но у него почти не было шанса остаться одному, чтобы собрать нужные травы. Он не боялся, что узнают о его познаниях в медицине — в Шаолине было много монахов-врачей, а в библиотеке хранилось немало книг. Но некоторые растения, которые он искал, были ядовитыми, и о них мастеру Ляоу знать не следовало.

Тем не менее, к моменту прибытия к месту Собрания боевых искусств он собрал почти всё, что было нужно. Оставалось самое редкое.

Шан Сююнь поселили в отличную комнату. Глава Союза боевых искусств, созывая всех, позаботился о размещении. Как ученика Шаолиня, его никто не обделил. Тань Юйвэй же неизвестно каким способом добилась комнаты по соседству. Подумав о её происхождении, Шан Сююнь решил, что это неудивительно.

Стоило ему выйти из комнаты для тренировок, как он видел улыбающуюся девушку. Она не мешала ему, а чаще всего сидела, подперев подбородок рукой, и о чём-то размышляла.

Он знал, что это состояние крайне опасно: когда человек начинает уделять слишком много внимания другому, чувства рождаются сами собой. Он мог планировать свои действия, но не мог ограничить чужие. Он не хотел сближаться с Тань Юйвэй, но не мог помешать ей приближаться к нему.

Он с силой взмахнул деревянным посохом, и в конце движения резко ударил им о землю. Посох треснул, а когда он отошёл, на земле осталась лишь куча щепок, в которых всё ещё угадывалась форма оружия.

— Монах Цзы Цзюэ, ты такой способный! Я ещё никогда не видела, чтобы кто-то так быстро прогрессировал! — искренне произнесла Тань Юйвэй, глядя на щепки. Она часто наблюдала за его тренировками и видела, как он совершенствуется с каждым днём.

Когда что-то входит в привычку, отвыкнуть становится трудно. Она взглянула на его красивое лицо — все эти так называемые молодые господа из мира боевых искусств меркли по сравнению с ним. Монашеская ряса, пропитанная потом, облепляла его тело, подчёркивая очертания мышц, отчего её щёки слегка покраснели.

То, что Цзы Цзюэ был монахом, её ничуть не смущало. Есть много способов заставить монаха нарушить обет, а если не выйдет — можно просто увезти его в поместье силой. Рано или поздно он будет согласен, даже если сейчас противится!

Шан Сююнь, не подозревая о мыслях девушки, задержал на ней взгляд, а затем сложил руки в приветствии:

— Амиабха. Тот, кто изучает боевые искусства, должен быть прилежным. Юной госпоже не стоит забрасывать собственное мастерство.

— Я изучаю искусство ядов, а не боевые искусства. С твоими навыками ты и пальца моего не стоишь! — гордо заявила Тань Юйвэй.

— Искусство ядов — это лишь второстепенный путь. Юной госпоже не стоит слишком полагаться на внешние средства, — ответил Шан Сююнь и, увидев, что мастер Ляоу выходит из

комнаты, поспешил к нему.

Тань Юйвэй хотела что-то сказать, но, услышав звук открывающейся двери, оглянулась и поспешно скрылась в своей комнате.

Мужчина средних лет, вышедший из комнаты вместе с мастером Ляоу, бросил взгляд в их сторону. Несмотря на то, что ему было за пятьдесят, в его лице всё ещё угадывалась юношеская красота.

— Старейшина, Глава Союза.

Хотя титул Главы Союза звучал громче, для Чжун Юня, как ученика Шаолиня, было естественно поставить уважение к старейшине Ляоу на первое место.

Глава Союза был явно занят делами и не желал тратить время на светские беседы. Лишь слегка улыбнувшись и кивнув, он широким шагом удалился.

Шан Сююнь проводил взглядом Му Линьцина и повернулся к старейшине:

— Старейшина, неужели ситуация с Демоническим культом изменилась?

— Амиабха, как бы она ни менялась, это всё равно приведёт к кровопролитию... — старейшина Ляоу закрыл глаза, перебирая чётки и что-то тихо шепча.

Видя это, Шан Сююнь опустил голову и тоже начал читать мантру об упокоении душ.

Только вот не знал он, чьи именно души они провожают...

Боль разлилась от конечностей до самой брюшной полости, казалось, внутренние органы сместились. Эта невыносимая для других мука принесла Шан Сююню облегчение. Раз он чувствует боль — значит, он жив. Веки дрогнули, он услышал чьи-то шаги у края кровати. Пальцы едва заметно шевельнулись, а следом пришло чувство жажды, более нестерпимое, чем боль. Он не знал, сколько пробыл без сознания; веки казались свинцовыми.

— Воды... — с трудом прошептал Шан Сююнь, зная, что, скорее всего, его никто не услышит. Но тот, кто ухаживал за ним, был опытен в лечении ран и сразу поднёс к его губам воду. Прохладная влага скользнула в горло, облегчая жажду.

Однако боль стала острее, и его сознание, едва прояснившись, снова погрузилось в тяжёлый сон. Но теперь, в отличие от ужаса перед потерей сознания, на душе было спокойнее. По

крайней мере, его жизни больше ничего не угрожало.

Когда Шан Сююнь наконец смог открыть глаза, стоял солнечный день. Он пошевелил конечностями — боль осталась, но раны были тщательно обработаны. Даже если останутся последствия, с его познаниями в медицине он сможет восстановиться. Внутренняя сила в даньтяне после этого происшествия стала ещё мощнее.

И правда, лишь пройдя через настоящий бой, можно быстрее прогрессировать. Но не у каждого хватит мужества бороться на грани жизни и смерти. Особенно у того, кто уже однажды умирал — он боялся смерти ещё сильнее. Человек не боится отсутствия надежды, он боится отчаяния после того, как надежда была близка. Познав вкус настоящей жизни, кто захочет снова стать блуждающим призраком?

К тому же он не знал, сможет ли после смерти снова стать духом, или же сразу отправится в цикл перерождений, навсегда потеряв память о современном мире...

К счастью, он был жив. В памяти всплыли недавние события. Шан Сююнь подумал, что хотя он и не главный герой, но живучести ему не занимать. Выжить в такой ситуации — это чудо.

Праведные секты, желая покарать демонов и очистить мир боевых искусств, решили действовать, пока в Демоническом культе царил хаос. Собрав мастеров нескольких сект, они прорвались в главный штаб, словно бамбук, расщепляемый ножом. Допросив учеников культа, они решили взорвать тайную комнату, где практиковался Янь Лун. Всем было известно: чем глубже техника, тем выше риск сойти с ума, если прервать медитацию в критический момент.

Хотя праведники презирали методы демонов, они испытывали трепет перед их техниками. Глава культа, которого называли демоном не только из-за его своенравия, но и из-за чудовищной силы, был их ночным кошмаром. Культ существовал так долго во многом благодаря силе его лидеров.

Хотя пользоваться чужой слабостью считалось постыдным, в вопросе вскрытия тайной комнаты все секты проявили редкое единодушие. Даже шаолиньские монахи, известные своим состраданием, не видели в этом ничего предосудительного.

Однако не успели они начать, как комната взорвалась сама. Ученики сект, жаждавшие первыми ворваться внутрь и присвоить заслуги, пострадали больше всех. Десятки человек погибли от одной лишь ударной волны внутренней силы. Янь Лун с багровыми глазами выглядел как демон, вырвавшийся из ада — он полностью соответствовал образу демона в их умах. Но никто из присутствующих не чувствовал радости.

Шан Сююнь в первый же момент попытался отступить подальше, чтобы не стать жертвой случайного удара. Но кто-то не дал ему такой возможности. Тань Юйвэй схватила его за руку и потащила к мастеру Ляоу и остальным. В её представлении, именно эти старцы могли остановить катастрофу. Но... это было невозможно.

<http://bllate.org/book/21693/2237485>